

LITERARY
STUDIES & PHILOLOGY

БОРИС ШАПИРО-ТУЛИН

**ТАКАЯ КОРОТКАЯ
ВЕЧНОСТЬ**

**ИМПРОВИЗАЦИЯ
НА БИБЛЕЙСКИЕ ТЕМЫ**

Москва
ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM
2023

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Ш23

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флобернум»

Миссия «Флобернума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Книга издана в авторской редакции

Шапиро-Тулин, Б.

Ш23 Такая короткая вечность. Импровизация на библейские
темы / Б. Шапиро-Тулин. — М.: Флобернум / RUGRAM,
2023. — 346 с. — (Literary Studies & Philology).

ISBN 978-5-517-10476-2

Эта книга — своеобразная сеть тоннелей, которые соединяют реалии современной жизни с таинственными событиями, зафиксированными в первой части Библии. Вместе с праведником Ноем читателям предстоит выжить во время всемирного потопа, вместе с легендарным Авраамом — искать точки контакта с Творцом Вселенной, вместе с пророком Самуилом — определять границы царской власти, а попав в Иерусалим, следить как военачальник Ванея сын Иодаев с риском для жизни выполняет приказ по сокрытию Святыни, меняющей законы земного существования.

Каждая из пяти частей книги не только содержит в себе ключи для разгадки смыслов, зашифрованных в ветхозаветных историях, не только выстраивает своеобразный мост между вымыслом и реальностью, но и дает возможность почувствовать частичку вечности в каждом проявлении нашей собственной жизни.

BIC FA
BISAC FIC000000

© Б. Шапиро-Тулин, текст, 2023
© А. Кудрявцев, дизайн обложки, 2020
© ООО «Флобернум», 2023
© RUGRAM, 2023

ISBN 978-5-517-10476-2

МОИМ СЫНОВЬЯМ
АРТЁМУ И ДЕНИСУ
С ЛЮБОВЬЮ.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

И было лето.
И был день.

И была Барселона.

А еще был корабль, пришвартованный к пирсу.

И нагретый на солнце трап тоже был. По нему я ступил на берег, а затем впервые поднялся по ступеням припортовой площади.

В центре нее стоял памятник Колумбу, и мне показалось, что бронзовый авантюрист пытается отвести меня от попытки проникнуть в этот город. Властно вытянув руку, он указывал мне в сторону, противоположную от Барселоны, то есть туда, где море сливалось с блеклым от жары небом.

Ступени, по которым вопреки призывам Колумба я все-таки поднялся, были отполированы подошвами, изготовленными в разных городах, странах, континентах и, может быть, даже в разные века и разные эпохи.

Но я не думал об этом.

Ступени вели меня в мир, разделенный на две неравные части.

Одна состояла из раскаленного асфальта, запыленных деревьев, ярких витрин, запахов уличных кофеен, автомобильных выхлопов и женских духов.

Другая, подымавшаяся в небеса по таинственной чешуе построек Гауди, была миром воспоминаний. Но воспоминания эти не были похожи на чередование едва различимых кадров затертой фотопленки. Нет. Они скорее складывались из тех эфемерных напластований, которые можно назвать памятью чувства. Той самой памятью, когда раз за разом возникает ощущение, что ты здесь уже когда-то был, но помнишь не эти дома и улицы, не эти мощенные каменными плитами подъезы и спуски, а помнишь торг души или ее грусть, а может быть, даже и горечь, то есть все то, что однажды испытал в этих местах, и запомнил, и пронес через множество рождений, и вот снова тебе представилась возможность радостно узнать не этот измененный временем город, но себя самого, исчезнувшего когда-то отсюда, чтобы теперь появиться вновь.

Так бы, наверное, и длилось мое погружение в Барселону — не в ту, что была вокруг меня, а в другую, запрятанную где-то глубоко внутри, — если бы жара не сделалась в тот день совершенно невыносимой и я не толкнул бы дверь первой попавшейся лавки в робкой надежде на работающий кондиционер.

Лавка оказалась пустой и после ослепительного солнца полутемной. В углу в плетеном кресле покачивался важного вида толстый господин в джинсовых шортах и белоснежной рубашке с распахнутым воротом. У него были роскошные усы, закручивающиеся кверху на манер усов Сальвадора Дали, а из-под них торчал остаток сигары, которую он, видимо, недавно

докурил и теперь просто перекатывал между губ, наслаждаясь вкусом табачного листа.

Господин приветливо кивнул и широким жестом показал на множество стеклянных витрин, расположенных по периметру. Они были подсвечены странными, отдающими синевой лампами, и оттого предметы, расставленные на полках, выглядели не то чтобы таинственно, но уж точно хранили внутри себя некую загадку. Очевидно, это было так и задумано, потому что за стеклянными витринами стояли разнообразные фигурки каких-то заморских идолов, медные подзорные трубы, старинные астробии, хрустальные шары, известные как шары ясновидения, китайские гадательные книги, руны, нанесенные на поверхность различных материалов, и, конечно, бесчисленные колоды карт Таро — от современных в ярких упаковках до сохранившихся раритетов, помещенных в изящные шкатулки из ценных пород дерева, чье внутреннее пространство было устлано истлевшими остатками красного шелка или обито бордовым бархатом, устоявшим под натиском времени.

Я бродил вдоль этого великолепия, чувствуя спиной цепкий взгляд господина, продолжавшего покачиваться в кресле. Но когда я обошел все полки и вернулся к той, что меня почему-то заинтересовала больше других, хозяин лавки неожиданно оказался рядом. Он вопросительно смотрел то на меня, то на витрину, и мне ничего не оставалось, как указать на небольшой футляр, на котором были изображены четыре загадочных символа: монета с чьим-то профилем, чаша (так обычно изображали знаменитую чашу Грааля), посох странника и меч воина.

Это был, пожалуй, самый непритязательный предмет, почти незаметный среди той роскоши, что его окружала. К тому же он был задвинут в угол почти за край рамы, обрамлявшей стекло витрины, да и свет небольшой лампы едва дотягивался до этого удаленного места.

На самом деле, указав на этот футляр, я уже раздумывал, как мне вежливо от него отказаться. В мои планы не входило приобретение никаких экзотических предметов, да и с наличными, если честно, было негусто. Но, к моему удивлению, хозяин лавки не спешил открывать створки стеклянной витрины. Он продолжал жевать сигару и при этом внимательно и как-то чересчур оценивающе смотрел на меня. Пауза затягивалась, я начал переминыться с ноги на ногу и краем глаза пытался определить расстояние до входной двери. Увы, в тот момент, когда, по моему разумению, можно было наконец попрощаться и я приготовился произнести заученное «adios», толстяк вынул изо рта размочаленную сигару и сурово спросил:

— Спик инглиш?

Я мысленно собрал воедино все, что знал по-английски, и гордо ответил:

— Ес ай нот.

— Раша? — догадался толстяк.

— Москва, — ответил я.

После этого все сразу переменилось.

Буквально через минуту я обнаружил себя за небольшим столом, на котором стояли бутылъ с вином, два бокала, коробка с ароматными сигарами, специальные ножницы к ним, пепельница и зажигалка, усыпанная блестящими камешками. Из этой зажигалки при